

М. Черняк

ЭФФЕКТ УЗНАВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА

Проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе оказываются в эпицентре сложно переплетенных, социальных стереотипов и мифов, многие из которых взаимообусловлены. В победившей видеокультуре статус книги изменился настолько, что это существенным образом отразилось и на статусе самой детской литературы и на новой модели детского чтения. В статье так же рассматриваются и анализируются основные стратегии развития современной прозы для подростков.

Ключевые слова: литература для подростков, литературная премия, чтение, социология литературы, литературный конкурс.

Он хватал книгу за книгой и при каждом новом названии испускал восторженный возглас: либо оттого, что видит знакомую книгу, либо оттого, что видит книгу, которую давно искал, либо, наконец, оттого, что видит книгу, о которой никогда ничего не слышал.

У. Эко. Имя Розы

«Детская литература может спасти российский книжный бизнес», — считают современные издатели. Действительно, кризис российского книжного рынка в меньшей степени затронул сегмент детской литературы, и сейчас, по мнению экспертов, судьба всей издательской индустрии зависит от того, удастся ли удержать интерес детей и подростков к чтению, или они предпочтут Интернет¹. Возможно, именно поэтому сегодня актуализировались споры о современной детской литературе, о стратегиях и тенденциях ее развития.

Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цеха, находящиеся в постоянном, желательном — плодотворном, взаимодействии, —

это утверждение критика Марии Скаф вызвало массу дискуссий в профессиональной среде [Скаф 2012, с. 113]. Характерно, что эта

точка зрения бытует и среди школьных учителей, и книжных продавцов, и родителей, покупающих своим детям вечный классический набор, состоящий из книг их детства.

Писательница Елена Усачева драматично характеризует сложную ситуацию, в которой оказалась детская литература:

Последнее время ее все хотят структурировать. Придумали возрастные значки. Перепутанные редакторы стали требовать от авторов «прилизанных» текстов — без ругани, без насилия, без разговоров о сексе и спиртном. Без всего этого тексты становятся дистиллированными, пустыми, безликими. Они теряют правду, остроту. Автору запрещают собственное мнение. Либо ты все убираешь, тебе ставят «12+» и тебя читает, действительно, тот читатель, на кого книга рассчитана, либо ты получаешь расстрельные «16+» и тебя уже никто не читает [Усачева 2013].

Похожим ощущением делится молодая автор Дарья Вильке:

Вот разрушили иммунную систему детской литературы, получился такой ребенок-доходяга. Его спасли, выходили в палате интенсивной терапии. Жить будет вроде. Но то температурит, то еще чего. <...> Не помню, кто сказал: «Все мы сидим на плечах у гигантов». Нам сидеть негде. Мы висим в пустоте. И это неприятное ощущение [Вильке 2013].

Писатель А. Жвалевский, подводя итог дискуссии, обозначает свою позицию следующими словами:

Есть ощущение, что в нашем споре правы все. Да, детской литературы в России сегодня не существует. Но она существует. Как это возможно? Точно так же, как полужизнь кота Шредингера — на квантовом уровне. Мы сейчас находимся в точке бифуркации. Детлит бурно развивается, но он в очень уязвимом состоянии. Любое, с виду незначительное, воздействие может радикально изменить состояние. Наше поколение может стать той самой «плеядой» — но может оказаться и потерянным поколением [Жвалевский 2013].

Говорить сегодня с подростком — задача для писателя не из легких. Она усложняется и потому, что в наши дни подросток часто бывает успешно интегрирован в те сферы современной жизни, в которых представители поколения родителей оказываются не так компетентны. При этом современные подростки, как и юношество других эпох, крайне чувствительны к любого рода фальши. Не случайно результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что юного читателя раздражает «сладкая» и «добренькая» литература с хэппи-эндом, они требуют серьезной и проблемной, пусть горькой, но честной литературы.

В свое время Ю. М. Лотман высказал точную мысль о разделении читательской аудитории:

Существуют два типа аудитории: «взрослая» с одной стороны и «детская», «фольклорная», «архаичная» с другой. Первая относится к художественному

тексту, как получатель информации: смотрит, слушает, читает, сидит в кресле театра, стоит перед статуей в музее, твердо помнит: «руками не трогать», «не нарушайте тишину», и уж конечно «не лезьте на сцену» и «не вмешивайтесь в пьесу». Вторая относится к тексту, как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картину не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей, в пьесе вмешивается, мешая актерам, бьет книжку или целует ее. В первом случае — получение информации, во втором — выработка ее в процессе игры» [Лотман 1992, с. 337].

Это разделение, свойственное в большей степени литературе для маленьких читателей, не исчезает и по мере взросления этого читателя. Отношения с текстом у читателя-подростка столь же непосредственные и эмоциональные.

В последние годы возник и развился миф о том, что подростки перестали читать и на досуге лишь играют в компьютерные игры². Проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе оказываются в эпицентре сложно переплетенных, прямо и косвенно взаимообусловленных социальных стереотипов и мифов. В мире зрителей статус книги изменился настолько, что это существенным образом отразилось и на статусе самой детской литературы. Сегодня происходит становление новой «модели детского чтения». Что читают современные подростки? Как воспринимают писатели вызовы нового поколения? Очевидно, что книги, входящие в круг детского чтения, считаются самыми социально действенными: ведь становление личности напрямую связано, в том числе и с кругом прочитанных в детстве книг. Нельзя не согласиться с мнением известного историка литературы М. Чудаковой, которая в своей книге «Не для взрослых. Время читать» пишет:

В отрочестве складываются привычки. Хорошие или плохие, но на всю жизнь. Совершаются благородные поступки — потому что тяга к добру еще не задвлена, не скорректирована корыстными или еще какими-нибудь расчетами. Принимаются важные решения. И некоторые люди следуют тому, что решили в отрочестве, всю свою жизнь. В это важное, но короткое время или прочитываются некоторые книги — или не прочитываются уже никогда. Потому что есть три закона чтения, и два с половиной из них выведены мною лично. Первый: нет книг, которые читать — рано. Второй: есть книги, которые читать — поздно. И третий: именно в отрочестве надо составить список книг, которые в жизни надо обязательно успеть прочесть [Чудакова 2012, с. 11].

Книга Чудаковой и сама представляет авторский путеводитель в мир литературы, созданный в особом жанре «воспоминаний о чтении и о книгах», которые писательница читала в школьные годы. Можно сказать, что М. Чудакова дает субъективный, но внятный ответ активизирующимся в последнее время дискуссиям о списке «100 книг» и о месте современной литературы в школе.

Социолог Б. Дубин считает, что «из школы практически вытеснены средства рефлексии по поводу самой системы литературной социализации и соответствующий эмпирический материал» [Дубин 2010, с. 39]. «Только в России школьные учителя литературы не обязаны следить за книжными новинками. Результат — учитель литературы и школьная программа бесконечно далеки от реальной жизни, и не ассоциируются у наших детей с интересным, современным чтением и с литературным процессом в принципе», — возмущается главный редактор издательского дома «Самокат» И. Балахонова [Балахонова 2013]. Разрыв между современной литературой и современным читателем грозит литературе гибелью. Думается, что раздражить, спровоцировать на диалог, заставить оглянуться вокруг может и должна именно актуальная словесность, в том числе адресованная именно современному подростку.

П. Байяр в книге с провокационным названием «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» ввел любопытный термин «внутренняя библиотека»:

Назовем внутренней библиотекой группу книг, которые являются для человека основополагающими и определяют его отношение к другим текстам, — это его собственный отделчик в коллективной библиотеке, которая объединяет нас всех [Байяр 2012, с. 81].

Очевидно, что помочь создать эту внутреннюю библиотеку — задача и родителей, и учителей. Составление разнообразных рекомендательных списков литературы — излюбленное занятие не только учителей, библиотекарей, журналистов, но и обычных читателей, причем важно отметить, что подростки сами активно создают разнообразные сообщества и советуют книги друг другу, чем свидетельствуют многочисленные группы в социальных сетях (например, «В Контакте»: «Читать модно», «Мир книг», «Книги, изменившие мою жизнь», «Книжная полка» и др.). Списки позволяют выстроить как личную стратегию чтения, так и обозначить общественную иерархию, национальный канон, который определяют различные сферы культуры — от школьных программ до издательских планов и календарей памятных дат. Очевидно и то, что в списке для самостоятельного чтения необходима актуальная словесность, говорящая с учеником XXI в. на одном языке, поднимающая острые, большие, дискуссионные вопросы сегодняшнего дня.

Кстати, любопытно, что так называемые «рекомендательные списки» могут органично вписываться в сюжет литературного произведения. Так, в дебютном романе американской писательницы Ребекки Маккаи «Запретное чтение» на протяжении всего повество-

вания даются постоянные отсылки к тому или иному произведению американской детской литературы, выстраивается своеобразный маршрут чтения. В романе рассказывается история молодой провинциальной библиотекарши Люси Гулл и постоянного читателя библиотеки 10-летнего Иэна Дрейка, деспотичная мать которого запрещает мальчику, страстно увлеченному чтением, брать те книги, которые кажутся ей опасными для его психики. И Люси, соперничая мальчику, становится для него тайным проводником в мир интересных книг. А действие романа Джона Хардинга «Флоренс и Джайлс» происходит в конце XIX в. Двенадцатилетняя сирота Флоренс живет с младшим братом Джайлсом в уединенном и практически заброшенном особняке. Их дядю мало заботит воспитание детей, а для племянницы он и вовсе запрещает нанимать учителя, считая это абсолютно необязательным для девушки. Предоставленная самой себе Флоренс часами пропадает в холодной огромной библиотеке наедине с Шекспиром, Вальтером Скоттом, Диккенсом и Эдгаром По. Она придумывает собственный язык, которым и рассказывает свою историю:

Я проводила часы за книгочтением и страницеглотанием, а поскольку мое отсутствие, в дневное время никому в глаза не бросавшееся, могло быть замечено вечером, спальня моя стала убежищем для тайком пронесенных книг [Хардинг 2012, с. 14].

Особую роль в формировании стратегий развития актуальной словесности для подростков играют литературные конкурсы. Появление такого литературного конкурса, как «Книгуру», где решение, какая книга важна и интересна современному подростку, принимают сами юные читатели, было продиктовано временем. Лишенный премиального закулисья и «взрослых» издательских игр конкурс сразу же открыл современной детской литературе новые и яркие имена. «Книгуру» — единственный конкурс в мире, где рассматривается не только беллетристика, но и познавательная литература, а окончательное решение принимает открытое жюри, состоящее из читателей в возрасте от 10 до 16 лет. На сайте конкурса³ создана первая легальная общедоступная интернет-библиотека современной русской литературы для подростков. Конкурс, который проводится с целью поиска и поощрения авторов, произведения которых отражают актуальные реалии современной жизни и позитивные решения психологических, нравственных, социальных проблем, встающих перед молодым человеком, а также создают образ современного положительного героя, дают представление о многообразии жиз-

ненных сценариев, о знаниях, необходимых для самореализации в современном обществе, сразу стал открывать новые имена.

Первый же сезон подарил знакомство с тонкой и ироничной прозой А. Петровой, представленной в сборнике рассказов «Волки на парашютах». Безусловным открытием «Книгуру» стали А. Жвалевский и Е. Пастернак, авторы книг «Время всегда хорошее» и «Шекспиру не снилось». Ответом на запрос юных читателей дать им серьезную проблемную литературу можно считать повесть Э. Веркина «Друг-апрель» и «Облачный полк». Достаточно обратить внимание на заглавия представленных на конкурс произведений («Мне 14 уже два года» (И. Костевич), «Библия в SMSках» (Ая эН), «Мужчинам до 16 об автомобиле» (М. Колодочкин), «Где папа?» (Ю. Кузнецова), «С точки зрения кошки» (М. Лебедева), «Куда скачет пегушиная лошадь» (С. Лаврова), «Русская пленница французского кота» (И. Жуков) и др.), чтобы ощутить нестандартность и острую современность текстов. В результате деятельности «Книгуру» удалось разрушить два стереотипа: первый, что у нас нет литературы для подростков, и второй, что современные подростки не читают.

«Наблюдать за дискуссиями читателей, за тем, как общаются писатели и читатели, стало для меня главной радостью этого сезона. Нам удалось сформировать понятную подросткам удобную живую площадку для разговоров о литературе и для виртуальных творческих встреч», — считает одним из важнейших итогов координатора конкурса Ксения Молдавская. Действительно, комментарии, которые оставляют юные читатели после прочтения той или иной книги, убеждают в том, насколько необходим им диалог — и друг с другом, и, конечно, с писателем. Вот несколько показательных комментариев: «Конец просто великолепен, несколько последних страниц я так переживала, что аж дышать трудно было», «Очень благодарю автора за книгу. Она заставила поменять меня некоторые точки зрения. Я, например, стала больше времени проводить с близкими, с бабушкой особенно», «Спасибо автору за честность», «Радует то, что есть писатели, которые не застревают на банальных сюжетах современной школьной жизни, а уходят глубже, раскрывая важные и сложные темы. Это достойно уважения!»⁴ и т. д.

«Можно ли заболеть от передозировки чтения?», — задает вопрос французская писательница Ф. Буше в своей «Книге, которая учит любить книги даже тех, кто не любит читать», выпущенной издательством «Clever». В этой книге «для взрослых и их-хи-хи детей», иллюстрированной автором, имеется масса полезных советов

и ответов на вопросы о том как глотать книги в неограниченном количестве и при этом не толстеть; нужно ли дочитывать книгу до конца и какие заклинания помогают прекратить чтение нудной книги; что делать, если толстые книги тебя пугают; почему книга лучше, чем телевизор, компьютер, iPad, даже кролики и шоколадки и т.д. Тема привлечения ребенка к чтению остается насущной и дискуссионной. Дискуссии, комментарии, споры не только о конкурсных текстах «Книгуру», но и — шире — о проблемах чтения, прежде всего, разрушают миф о том, что современные подростки не читают.

Экспертное сообщество (и литературные критики, и педагоги, и библиотекари, и сами писатели) постоянно твердят о том, что изучение детской литературы нуждается в серьезном обновлении исследовательского инструментария, нужны новые методы и методики. Можно предположить, что именно «Книгуру» послужит мощным толчком к этим изменениям. Главная удача конкурса состоит в том, что подросток понимает, что И. Костевич и Э. Веркин, Н. Назаркин и Э. Орлов, В. Роньшин и И. Лукьянова, Ю. Кузнецова и многие другие пишут именно для них, про то, что по-настоящему волнует читателей, тем языком, который им понятен. Очевидно, что длинные и короткие «книгуринные» списки являются наглядным примером творящейся у нас на глазах живой новейшей истории детской литературы XXI в.

Необходимо отметить, что в 2013 г. появилась еще одна премия в области детской литературы: премия «НОС» обрела свою детскую версию. Ее организаторы исходили из предположения, что русская детская литература оказалась в начале XXI в. в непростом положении и вынуждена конкурировать, во-первых, с уже ставшей классикой литературой советского периода, а во-вторых, с современной переводной литературой для детей. Целью проекта стал отбор детских произведений, написанных в XXI в. и не просто выпадающих из двух названных традиций, но задающих свою особую траекторию, экспериментирующих с сюжетом, стилем, языком и даже со способом коммуникации с читателем⁵. В шорт-лист премии «Baby-НОС» вошли яркие произведения последнего десятилетия, книги Д. Вильке «Грибной дождь для героя», А. Гиваргизова «Контрольный диктант и древнегреческая трагедия», В. Кунгурцевой «Полождения Вани Житного, или Волшебный мел», Е. Мурашовой «Гвардия тревоги», С. Мосовой «Умора, кукла Баранова и 6 “Б”», И. Наумовой «Господин Куцехвост и инопланетяне», Н. Нусиновой «Приключения Джерика», Д. Сабитовой «Где нет зимы» и С. Седова «Сказки про

мам». Первую премию получила книга Н. Абгарян «Семен Андреевич. Летопись в каракулях». Премия еще только ищет свое место в пространстве современной литературы, но задачи, поставленные ее организаторами, безусловно, представляются перспективными и актуальными. А важнее всего то, что организаторы и «Книгуру», и «Baby-НОС» исходят из необходимости говорить с современным подростком на понятном ему языке о насущных проблемах сегодняшнего дня.

Как честно и внятно рассказать современному подростку о нашей истории, о том, что с нами было, и том, как мы живем сегодня? Как рассказать о мире, в котором столько несправедливости и боли? И нужно ли об этом говорить с подростками? Зарубежная детская литература делает это уже давно и успешно, отечественная — только встает на этот путь. Писатель, журналист, педагог, главный редактор сайта «Папмамбук» М. Аромштам полагает, что главный критерий, по которому мы оцениваем детскую книгу, — «это ее соответствие нашим представлениям о том, каким должно быть детство. И когда мы говорим: «детская книга — это что-то доброе, чистое и светлое», мы тем самым характеризуем свой образ детства. Так как человек меняется — вместе с окружающим его миром, — язык литературы не может быть создан раз и навсегда. Он должен развиваться — иначе литература утратит свою актуальность. И направление задано: все глубже и глубже, расширяя круг тем, преодолевая страх задавать себе вопросы» [Аромштам 2012]. В последние годы появился целый ряд книг, авторам которых удалось этот страх преодолеть. Их книги, действительно, порождают больше вопросов, чем ответов, но, вместе с тем, отражают очень важные тенденции в становлении отечественной литературы для подростков.

Мы живем в такую эпоху, когда самым достоверным для писателя становится сегодня, а не вчера и не завтра. Хотя еще недавно казалось, что все наоборот: есть удобное ретро и есть соблазн взгляда за горизонт настоящего (взгляда преимущественно антиутопического). А неустаканившаяся современность обещает писателю мало творческой выгоды [Ермолин 2013]. —

полагает критик Е. Ермолин. И все же все больше современных писателей, пишущих для подростков, обращаются именно к сегодняшнему дню. Очень точную интонацию для описания нашей действительности выбрала Юлия Кузнецова, автор повести «Где папа?», представленной в третьем сезоне конкурса «Книгуру». И повесть эта не о неполной семье, для которой вынесенный в заглавие вопрос столь актуален, а, напротив, о семье очень дружной и любящей.

Только папу, интеллигентного, доброго человека, детского писателя, который связан со своей дочкой Лизой, главной героиней повести, глубокой и подлинной отцовской любовью, вдруг арестовывают. И мир девочки, да и всей семьи, раскалывается на «до» и «после». «До» — это удивительно теплый мир, в котором все поддерживали друг друга, мир в котором царил доброта, шутка и... книга:

Буду отмокать в их разговорах и смехе, как в ванной. А потом папа подсядет к компьютеру, чтобы «накропать» очередной рассказ для детского журнала, а я сяду рядом на диван. И он скажет: — Ну, сыпь свой крыжовник!

Это цитата. Из «Детства» Александры Бруштейн. Мы с папой любим одинаковые книги. И часто напоминаем друг другу разные фразочки. Папа еще любит цитировать: «Фу, какая гадость, — сказал Бруно и плюнул мне прямо на ботинок» и «Сделаем, Альфи, обязательно сделаем!» — сказала тетенька Цвой, утирая слезы от хохота». Это из «Альфонса Цитербакке». А мне нравится: «Нет, мы не разбивали голубой чашки. Это все только серые злые мыши». Это из Гайдара. Когда папа скажет: «Сыпь!», я вывалю ему все [Кузнецова 2013, с. 56].

А «после» — это мир, полный неразрешимых проблем и вопросов, маминных слез и одиночества. Отец для Лизы был всегда героем и спасителем:

Помню в детстве такую игрушку. Я ее ненавидела. Сложенная клетка. Сверху ручка. Дергаешь ручку резко вверх. И клетка распрямляется. Становится объемной. Тогда можно открыть дверцу и посадить игрушечную птичку. Кажется, у птички на пузике то ли кнопка, то ли рычажок, и она может петь. Мне было страшно смотреть на эту игрушку, которую только что, на моих глазах распрямили одним движением. Потому что я была уверена: когда-нибудь эта клетка сложится обратно сама и придавит птичку. В школе моя клетка постоянно складывается. Но меня ей не раздавить. Потому что всегда рядом папа, и он ловит клетку за ручку, всякий раз, когда она собирается сложиться. И спасает меня. Такой вот он, мой папа. Просто Маленький Великанчик. Меня он зовет Муськин-Пуськин. А я его — Хлеб-с-Вареньем [Там же, с. 112].

Теперь помощь и поддержка нужна папе, который сам вдруг оказался в клетке. В этот сложный период в жизнь Лизы входит одноклассник Андрюха, а главное, — его маленькая сестра Кьяра, забота о которой помогает Лизе осознать важные вещи. В финале повести, когда вся большая семья приезжает к папе на поселение, Лиза вспоминает, как отец однажды давал интервью журналисту, сказав:

детские книги должны заканчиваться хорошо. Добро должно побеждать зло. Потому что в детстве должна быть сделана прививка доброты. Сработает / не сработает эта прививка — никто не знает. Но ее надо сделать [Там же, с. 267].

Нет сомнения, что в повести Кузнецовой эта прививка сделана.

Детский писатель Юрия Нечипоренко, создатель серии «Для тех, кому за 10», пишет о стратегиях современной детской литературы так:

Ребенок стремится к взрослости, ему нужна та свобода, которой обладает взрослый, он хочет быть равным взрослому в своих правах — он тоже хочет принимать решения в своей судьбе. Взрослый имеет ностальгию, ему хочется вернуться в ту свободу, которой обладает ребенок. Этот взаимный интерес создает то поле доверия, в котором живет литература. <...> Жизнь становится сложнее, книги становятся сложнее — и полноценно воспринять их может только столь же сложный человек, личность, для которой книга есть след другой личности, чтение — способ общения [Нечипоренко 2013].

Это «поле доверия» создает М. Чудакова в своей книге «Егор: биографический роман», которая изначально задумывалась как книга для подростков, но затем читательский адрес был скорректирован:

также для тех взрослых, которые захотят понять, наконец, то, что им не удалось понять до 16-ти. Короче говоря — для всех, кто решится отбросить мифы и рассказы о прекрасной эпохе Брежнева и о «плохих» 90-х — тех самых, за которыми в течение «нулевых» лет политтехнологии хитроумно закрепили лишь одно именование: «лихие девяностые». Для тех, кто сам захочет понять недавнюю историю своей страны в ее драматической и всеяющей надежду реальности. Кто задумает узнать, какие же они были на самом деле — эти 90-е. И еще он узнает из этой книжки историю недолгой и яркой жизни одного из самых замечательных людей российского XX в. [Чудакова 2012, с. 1].

Выстраивая свой биографический роман по модели классического романа воспитания и опираясь на большой семейный архив, М. Чудакова рассказывает о мальчике Егоре, воспитанном на произведениях своих знаменитых дедов — Аркадия Гайдара и Павла Бажова. Путь от мальчика Егора к Егору Тимуровичу Гаюдару, символу политической жизни 1990-х — это не только личная биография и становление неординарной личности, но и путь страны, и непростые этапы ее взросления. Биография Гайдара становится в какой-то степени фоном для создания своеобразного словарика советской эпохи. В романе Чудаковой причудливо соединяются, не противореча, а лишь дополняя друг друга документальный текст, роман воспитания и авантюрный роман (тайны и загадки загородного дома, острова Кубы, танкера). Мир семьи Гаюдаров — это особый мир доверия, любви, друзей, интереснейших разговоров и, конечно, книг.

А. Типпнер, исследуя формирование жанра биографии, адресованного детской аудитории, отмечает:

В центре «детского» биографического нарратива оказываются дети, обладающие экстраординарными качествами. <...> В начале XIX в. благодаря особому инте-

ресу к детству и юношеству начинают появляться биографии, где этот отрезок жизненного пути сам по себе становится центральной темой повествования, а дальнейшие жизненные достижения мыслятся как само собой разумеющиеся и вытекающие из опыта детства [Типпнер 2013, с. 246].

В советское время фраза Сент-Экзюпери «Все мы родом из детства» стала своеобразным «каноном и предписанием». М. Чудакова по-своему трансформирует жанр биографии, сохраняя присущий ему доминирующий дидактический характер. Стремление автора говорить с подростками о сложных и спорных проблемах нашей истории вызывало дискуссии еще при выходе детективов Чудаковой о девочке Жене Осинкиной. Любопытно, что, анализируя специфику существования детской литературы в 1930-е гг. (в том числе и А. Гайдара), М. Чудакова писала о поэтике подставных проблем, когда в текст с детской проблематикой проникает авторское слово о современной недетской жизни: «рисуеться один мир, <...> а сквозь него проглядывает или, скорее, подает неясные сигналы другой» [Чудакова 1990, с. 253]. Очевидно, что этот угаданный Чудаковой литературоведом прием активно используется Чудаковой-писателем.

Если в «Егоре» М. Чудакова пытается рассказать современным подросткам о нашем недавнем прошлом, то Е. Ельчин в повести «Сталинский нос» ставит задачу еще более сложную: объяснить юному человеку XXI в. природу сталинизма. Эта книга вышла на английском языке в 2011 г., и журнал «*Норм Бук*» назвал ее одной из лучших книг года. В 2012 г. «Сталинский нос» получил награду Ньюбери и был сам автором переведен на русский язык. Опубликованная издательством «Розовый жираф» книга Ельчина стала предметом ожесточенных споров. Критик А. Наринская с обостренной иронией заметила, что «Сталинский нос» «проходит по разряду скорее нужных, чем хороших. Можно было бы даже сказать, что в ее случае нужность перевешивает недостаток хорошесть» [Наринская 2013].

Главный герой повести Саша Зайчик страстно мечтает стать пионером и быть достойным своего отца, офицера НКВД. Воспитанный отцом (мать, американку, арестовали по доносу собственного мужа, когда Саша был совсем маленьким) и выросший в огромной коммунальной квартире («Товарищ Сталин сказал, что такая коллективная жизнь помогает чувствовать себя коммунистическим «Мы», а не капиталистическим «Я»). Мы все согласны. И по утрам поем революционные песни, дожидаясь своей очереди в уборную» [Ельчин 2013, с. 13] Саша Зайчик и не представляет себе другой жизни.

Но жизнь это меняется в ночь ареста отца. Из успешного ученика, любимчика учителей, отрядного знаменосца, сына уважаемого всеми коммуниста, Саша стремительно превращается в изгоя, чье лицо замазывают чернилами на групповой школьной фотографии. Мальчик до последнего момента не верит в крушение своего мира, надеясь на справедливость «отца народов» и оправдывая все то, что начинает происходить с ним сразу после ареста, когда сосед-стукач бросается перетаскивать их добро и занимает комнату:

Завтра они выкинут наши поломанные вещи. Это неважно, вещи не имеют значения. Мы с папой принципиально против личной собственности. При коммунизме личной собственности не будет. Но все же как-то жалко [Ельчин 2013, с. 33].

Саша случайно отбивает нос у бюста Сталина в актовом зале и понимает — произошло страшное и его будут судить. Очевидный диалог с гоголевской традицией здесь скорее травестируется: Сталин является ему в кабинете биологии, не весь, а только в виде того самого отбитого носа. И Саша за один только школьный день превращается в сына врага народа, вызывает настоящий переполох в школе, провоцирует арест учительницы, становится объектом вербовки со стороны агента НКВД. В конце повести, стоя в бесконечной очереди родственников арестованных на Лубянке, Саша впервые сталкивается с настоящими чувствами людей, чьи близкие попали в беду, и, наконец, обретает простое человеческое тепло.

А. Наринская полагает, что «Сталинский нос» — «это приспособленный для детей сплав двух взрослых произведений. Повести Лидии Чуковской «Софья Петровна» и фильма Алексея Германа «Хрусталева, машину!» [Наринская 2013]. В послесловии историка, сотрудника общества «Мемориал» Б. Беленкина говорится:

Сопереживание главному герою порождает негодование и абсолютное неприятие мира, в котором живет Саша Зайчик. А это значит — после прочтения «Сталинского носа» вряд ли появится желание вернуться в прошлое [Ельчин 2013, с. 173].

Возможно, в этом и заключалась главная задача автора. На сайте «Розового жирафа» Анастасия, мама десятилетнего Феди очень точно передала эмоции своего сына после прочтения книги:

Федя слушал весь вечер, замерев, забыв что собирался смотреть «Артура». После первой страницы спросил — они что, верят во все это, зачем они пишут, что Сталин хороший? А в конце чуть не плакал, и я. Я спросила — а ты знаешь, что бы ты сделал? Он сказал «Не знаю. Но все так грустно». Я все это пыталась описать Феде, урывками, и нам книга пришлось очень вовремя, потому что по моим рассказам ему наверно представлялось, что все были просто идиотами, верившими в какой-то абсурд, и про страх и свободу-несвободу он не понимал,

а тут задумался. И про ситуацию выбора и поступка. А еще он понял, кажется, что это так странно и так близко — его бабушка, она жила в этом... Хорошо что вы издали ее, правда. Даже не верится!⁶

Можно предположить, что развитие современной литературы для подростков в чем-то перекликается с формированием новой советской литературы 1920-х гг., «базирующейся не на художественном своеобразии, а на возможности влиять на формирование взглядов и представлений юных читателей» [Балина 2013, с. 9]. Идет кристаллизация нового жанрового костяка современной детской беллетристики, смена ее кодов, при этом актуальным становится обращение к острым вопросам прошлого и настоящего.

Тема представлений о прошлом в массовом сознании входит в проблемное поле культурологии, литературоведения, социальной психологии. Массовая культура занимается своеобразным «формированием памяти», в рамках которого национальные истории интегрируются в «глобальную», и основным источником представлений о прошлом становятся мифы, легенды и фантастические допущения. В рассказе В. Набокова «Ужас» герой теряет память, а вместе с ней — связь с миром: «Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе и мир был сам по себе, — и в этом мире смысла не было» [Набоков 2004, с. 455]. Потеря памяти или просто ее трансформация в культуре и литературе, тоже ведет к тотальному обесмысливанию всего. Думается, что эта мысль роднит столь разные произведения М. Чудаковой и Е. Ельчина.

В какой-то степени парадоксальным образом к текстам Ю. Кузнецовой, М. Чудаковой и Е. Ельчина примыкает повесть Р. Сенчина «Что вы хотите?». Сенчин, известный как яркий представитель современного «нового реализма», впервые создает намеренно двадресный текст. Главная героиня, от лица которой ведется повествование, — девочка Даша, дочка писателя, которой часто «хотелось оказаться в своей комнатке-лоджке, открыть ноутбук, спрятаться в лабиринте Интернета» [Сенчин 2013, с. 10]. Мир четырнадцатилетней девочки с его заботами и переживаниями, ее отношение к тому, что происходит вокруг, к родителям, подругам, школе рождает эффект «подсмотренной жизни». Родители Даши — активные участники декабрьских протестов 2012 г., живут насыщенной политической жизнью, к ним приходят друзья, среди которых, например, Сергей Шаргунов⁷ — «дядя Сережа, высокий, темноволосый, с выразительными подвижными бровями. Он пишет книги и занимается политикой. Время от времени Даша видела его

по телевизору в разных ток-шоу — дядя Сережа что-то говорил о свободе, справедливости, о народе» [Сенчин 2013, с. 34]. В этом абсолютном узнавании событий и людей Е. Ермолин видит общий тренд актуального искусства:

Писатель вынужден спешить, журналистничать. <...> Персональный компьютер и интернет, а еще раньше кинематограф и телевидение создали новую медийную и общекультурную среду, определили ту магистраль постмодерна (трансавангарда), в которой с неизбежностью меняются характер, способ литературного высказывания. Традиционные его средства и формы отходят на периферию или, по крайней мере, все менее востребованы. Возникает новый тип авторско-аудиторного взаимодействия и аудиторного соучастия в словесности [Ермолин 2013].

Даша — активный участник родительской жизни — все время живет в ощущении тревоги и постоянно возникающих вопросов:

Слушая это из-за двери — ее отправили в другую комнату, — Даша, кажется, впервые именно тогда ощутила, что взрослая жизнь — жестокая вещь, и еда, одежда, оплаченные квитанции за квартиру не появляются сами собой. Поняла и испугалась, что сама в эту взрослую жизнь скоро попадет. Пусть через десять лет, но это все равно скоро [Сенчин 2013].

Такой эксперимент Сенчина над героем-подростком, которому пришлось отвечать на сложные вопросы нашего времени, вызвал большой резонанс в экспертной среде. В редакции журнала «Дружба народов», где впервые была опубликована повесть, прошел круглый стол, посвященный этому произведению. Так, писательница И. Богатырева справедливо отметила:

Узнаваемый стиль Сенчина — это ставить эксперименты на себе. Рассматривая себя, свою семью и близких как типичных представителей среды, времени, он умудряется добиться отстраненности. <...> Жанр этой повести — реалити-шоу. Только из самой обычной жизни, никаких специальных условий — вот люди, как они сейчас есть. События происходили в 2012 — повесть выходит в 2013. Быстро? Что вы! Мы же живем в состоянии моментальных реакций. У нас так мало времени, что оставлять его на осознание происходящего просто нельзя. Все, что происходит, требует высказывания, высказывание превращается в текст, текст получает огласку. Мы живем онлайн: вот событие — вот его изложение в сети — вот уже люди это обсуждают. И литература стремится к той же скорости [Богатырева 2013].

Как будут воспринимать этот текст сверстники главной героини — покажет время, но появление такого произведения дает возможность говорить о новых стратегиях развития современной литературы для подростков.

В интервью издательству «Розовый жираф» французский писатель и учитель Даниэль Пеннак поделился рецептами приучения современных детей к чтению:

Создавая ситуацию совместного чтения, родитель предлагает ребенку «перемирие» в социальной жизни. Короткий момент привилегированного частного рая — по отношению к многочисленным обязательствам. Ценность этого момента будет всегда подсознательно ассоциирована с чтением. Даже, сегодня, когда мне под 70 — я устраиваюсь на диванчике с книгой — я позволяю себе этот момент мира и покоя; и я возвращаюсь к тем чувствам, которые я испытывал в детстве, когда чтение было для меня невероятно важным убежищем. Семейное чтение отличает от школьного такая черта, как абсолютная бесплатность. Чтение — это PODAROK, понимаете? В школьном же чтении есть элемент обязательности, потому что это часть обучения [Пеннак 2013].

Те литературные проекты, конкурсы и книги, о которых шла речь в этой статье, при всей их неоднозначности и дискуссионности, безусловно, создают это ощущение «частного рая», бесконечных вопросов и бесконечных открытий.

Примечания

¹ См. материал: Детская литература может спасти российский книжный бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-books.ru/articles/71>

² Показательно в этом отношении стихотворение детской писательницы Марины Бородинской (Новый мир. 2010 № 3. С. 113):

Интернет —
это просто большой интернат:
в нем живут одинокие дети,
в нем живут одаренные дети
и совсем несмышленные дети.
А еще в нем живут
кровожадные,
беспощадные,
злые, опасные дети,
которым лучше бы жить
на другой планете.
Но они живут
вместе с нами
в большом интернате,
и от них, словно эхо, разносится:
— Нат! Нат!
Подавитесь! Взорвитесь!
Убейтесь!
Умрите, суки! —
и другие подобные звуки.
Мы бы вырубили им свет,
но боимся тьмы.
Мы позвали бы взрослых,
но взрослые — это мы.

³ URL: <http://kniguru.info> (<http://kniguru.pf>)

⁴ См. сайт конкурса: <http://kniguru.info>

⁵ См. сайт премии: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/own/108/959/>

⁶ См. отзывы на сайте издательства: http://pgbooks.ru/books/book/?ELEMENT_ID=7807

⁷ Шаргунов Сергей Александрович (р. 1980) — российский писатель.

Источники

Ельчин Е. Сталинский нос. М.: Розовый жираф, 2013.
Кузнецова Ю. Где папа? М.: ИД Мещерякова, 2013.
Сенчин Р. Чего вы хотите? // Дружба народов. 2013. № 3. С. 6–95.
Хардинг Д. Флоренс и Джэйлс. М.: РИПОЛ-классик, 2012.
Чудакова М. Егор: биографический роман. М.: Время, 2012.

Исследования

Аролштам М. Феномен «счастливого детства» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parnambook.ru/>

Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали. М.: Текст, 2012
Балахонova И. Детская литература может спасти российский книжный бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-books.ru/articles/71> (дата обращения: 01.06.2013).

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е гг.). СПб: Алтейя, 2013. С. 7–20.

Богатырева И. Жить с открытыми глазами. О повести Романа Сенчина «Чего вы хотите?» // Pro и contra // Дружба Народов. 2013. № 4.

Вильке Д. У пустоты на плечах // Лит. Россия. 2013. №13. 29 марта; цит. по интернет-публикации: URL: www.litrossia.ru/2013/15/07958.html

Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки по литературе и культуре. М.: НЛО, 2010.

Ермолин Е. Литература: от номотетики к идеограмме. О повести Романа Сенчина «Чего вы хотите?» // Pro и contra // Дружба Народов. 2013. № 4.

Жвалевский А. Детлит Шреддингера [Электронный ресурс]. URL: <http://az-book.info/detlit-shredingera> (дата обращения: 11.05.2013).

Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллинн 1992. Т. 1. С. 377–378.

Набоков В. Король, дама, валет Сборник произведений. М.: Эксмо, 2004.

Наринская А. Необходимое про зло; цит. по интернет-публикации: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2133301>

Нециторенко Ю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epampa.narod.ru/nech/za10.htm> (дата обращения: 18.05.2013).

Пеннак Д. «Чтение — это PODAROK!» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pgbooks.ru/pg_recommend/life_with_kids/daniel-pennak-cthenie-eto-podarok.php (дата обращения: 21.04.2013).

Скаф М. Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12.

Титнер А. «Ленин как идеал»: как рассказать детям о вожде // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е гг.). СПб: Алтейя, 2013. С. 246–261.

Усачева Е. Время к весне // Лит. Россия. 2013. № 09. 01 марта; цит. по интернет-публикации: URL: <http://www.litrossia.ru/2013/09/07846.html>

Чудакова М. О. Не для взрослых. М.: Время, 2012.

Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям // Новый мир. 1990. № 4.